

Власть и общество

С. В. Санников

Порядок рассмотрения дел о преступлениях против королевской власти в германских «варварских королевствах» VI–IX вев

В истории государственных институтов и права остается недооцененной роль изучения судебного процесса как явления, позволяющего не только реконструировать элементы правовой системы общества, но и уточнить культурные, идеологические и политико-правовые основания того или иного политического режима. Данная проблема особенно актуальна на настоящем этапе исторических исследований, когда отечественные авторы вплотную приблизились к пересмотру взглядов на правовую сущность институтов раннесредневековой государственности¹.

Целью настоящего исследования является реконструкция и анализ порядка рассмотрения дел о преступлениях против королевской власти в рамках германских «варварских королевств» VI–IX вв.² Задачами исследования являются реконструкция на основании существующих правовых памятников этапов судебного процесса по делам о преступлениях против

¹ См.: Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 11–19.

² Необходимо отметить, что преступления против королевской власти получили подробное освещение в работах Ф. С. Лира, изданных в 1950–1960-х гг. (*Lear F. S. Treason and related offenses in the Anglo-Saxon Doms*. Houston, 1950; *Ibid. Treason in Roman and Germanic law: collected papers*. Houston, 1965. и др.). В работах, посвященных анализу различных аспектов средневековых судебных процессов (*Bartlett R. Trial by fire and water: the medieval judicial ordeal*. N. Y. 1986; *Lea H. C. Superstition and Force: Torture, Ordeal, and Trial by Combat in Medieval Law*. N. Y., 1996; *Cuttler S. H. The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France*. 2003; *Ziegler V. L. Trial by fire and battle in medieval German literature*. 2004; Глебов А. Г., Золотарев А. Ю. Ордалии в Англии и Западной Европе раннего Средневековья: проблемы источниковедения и историографии // Право в средневековом мире. М., 2008. С. 155–168).

Санников Сергей Викторович, канд. ист. наук, советник администрации Новосибирской области. E-mail: sannikov_s@ngs.ru

© С. В. Санников, 2009

королевской власти, выявление полномочий сторон данного процесса, анализ влияния норм римского права и германских правовых обычаев на характер представлений о природе рассматриваемых преступлений и порядок рассмотрения связанных с ними дел.

Спектр преступлений, относимых к *causa regis* (королевскому делу) был достаточно широк, и претерпевал определенные изменения в ходе эволюции самого института королевской власти. Наиболее существенными преступлениями против королевской власти, которые прослеживаются на основании компаративного анализа германских правовых памятников, являются покушение на жизнь короля, захват королевской власти или присвоение королевских полномочий, нарушение королевского мира, организация мятежа, приведение врагов в королевство или укрывание шпионов, посягательство на королевское имущество, а также оскорбление короны. Необходимо отметить, что комплекс представлений о преступлениях против королевской власти, отраженный в германских правовых памятниках, основан на синтезе правовых идей германского и римского происхождения¹.

В рамках судебного процесса по рассматриваемым делам можно условно выделить стадии досудебного и судебного рассмотрения дела, в ходе которых совершались соответственно процедуры сбора необходимой информации и рассмотрения дела в соответствии с нормами обычного права². Инициатором судебного дела о преступлении против королевской власти могло выступить как частное лицо, так и магистрат, о чем говорят историографические свидетельства и правовые памятники. В частности, обвинителями сановника Северина Боэция, осужденного остготским королем Италии Теодорихом Амалом на смертную казнь за посягательство на восстановление «римских свобод» (т. е. преступление против королевской власти), выступили трое опальных королевских придворных – Василий, Опилон и Гауденций, когда они уже были, по всей видимости, частными лицами³. Другим примером может служить дело Григория Турского, который был обвинен в

¹ См., например, *Lex Romana Burgundionum*, 7.6.

² Условность выделения данных стадий объясняется тем, что не всегда обе стадии предшествовали вынесению приговора, и не во всех случаях данные стадии можно четко дифференцировать.

³ *Боэций*. Утешение философией. М., 1990. С. 198.

оскорблении величества королевы франкским графом Левдастом¹.

Сборники норм римского права, составленные в германских «варварских королевствах», сохранили положение о расширенном составе потенциальных обвинителей по делам о *crimen laesae maiestatis*². В частности, «Римский закон бургундов» (*Lex Romana Burgundionum*) сообщает, что «те, кто не имеет права обвинения, в соответствии с законами, это: не обвиняет ни раб господина или либертин патрона, или членов его семьи, кроме только преступлений против величия (*crimen maiestatis*)»³. Аналогичная норма, воспринятая из римского законодательства⁴, содержится в «Римском законе вестготов» (*Lex Romana Wisigothorum*)⁵, а также транслируется в комментарии к законодательству лангобардов «*Liber Papiensis*»⁶. Остготский «Эдикт короля Теодориха» (*Edictum Theodorici regis*) также предписывает принимать свидетельства рабов и зависимых лиц при обвинениях в *crimen maiestatis*⁷.

Помимо частного лица или магистрата обвинителем мог выступать некий *advocatus de Parte Publica* (адвокат общественной стороны), упоминаемый в средневековом комментарии к *Liber Papiensis*, статус которого не вполне ясен, по-

¹ *Historia francorum* (V, 49). Русскоязычный перевод см.: Григорий Турский. История франков. М., 1987.

² *Crimen laesae maiestatis* – букв. «преступление умаления величия», термин, перешедший из римского публичного права в средневековую юридическую терминологию. Обозначал широкий спектр преступлений против фигуры правителя и институтов государственной власти.

³ *Lex Romana Burgundionum*. 7.5. Перевод с латинского мой. – С. С. Текст источника на языке оригинала доступен в сети Интернет: <http://webu2.upmf-grenoble.fr/Haiti/Cours/Ak/>

⁴ См.: *Codex Theodosianus*, 9.6.0; *Digestae*, 48, 4, 7–8.

⁵ *Lex Romana Wisigothorum*. Liber IX. Titulus III. Ne praeter crimen maiestatis servus dominum vel patronum libertus seu familiaris accuset, hoc est, si accusaverint, non credantur, sed magis puniendi sunt.

⁶ См. *Expositio ad Librum Papiensem*, глосса к титулу 9 Эдикта Ротари // *Monumenta Germaniae Historica. Leges Langobardorum*. Текст источника на языке оригинала доступен в сети Интернет: www.dmgh.de/

⁷ *Edictum Theodorici regis*, 49. Hoc etiam de familiaribus servari deberi censemus, qui cuiuslibet familiaritati vel domui inhaerentes, delatores aut accusatores emerserint: excepto tamen crimine maiestatis.

скольку германцы не знали специализированного института адвокатов или практикующих юристов. Из контекста документа следует, что данное лицо выполняло функции своего рода общественного обвинителя, и не исключено, что в данной роли мог выступить один из членов королевского совета или королевских придворных. Определенную пикантность данной роли придает то, что этот «адвокат» должен был в случае присутствия обвиняемого в суде защищать имя короля в поединке с обвиняемым, а в случае поражения мог быть передан вместе со всем своим имуществом в руки обвиняемого¹.

Вопрос о том, мог ли король выступать обвинителем в судебном процессе лично, решается, на мой взгляд, в пользу отрицательного ответа². Вестготский кодекс «Судебная книга» (*Liber Iudiciorum*) содержит предписание о том, чтобы властители и епископы не представляли свои дела в судах лично, а пользовались для этого услугами подвластных лиц, поскольку, «если король решит вести свое дело в суде лично... кто же решится противостоять ему?»³. Уместно напомнить о том, что король, как носитель высшей судебной власти в германских «варварских королевствах», стоял при решении вопросов жизни и смерти над законом⁴, его персона была вне подозрения⁵, а его свидетельство не могло быть подвергнуто сомнению и не нуждалось в подтверждении клятвой⁶. Очевидно, что обвинение королем кого-либо из подданных в измене влекло за собой немедленное признание вины обвиняемого и применение соответствующих санкций, причем, характер приговора зависел именно от степени убежденности короля в виновности обвиняемого. Известно, например, что в отноше-

¹ См. норму из закона Ратхиса: *Шервуд Е. А.* Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 120. Необходимо отметить, что хотя участник процесса мог выставить на поединок своего представителя, тем не менее он лично нес ответственность за исход поединка.

² Судебная практика показывает, что король мог выступать одним из обвинителей в церковном суде (*Historia francorum* V, 49), однако на подобные дела его юрисдикция не распространялась.

³ *Liber Iudiciorum*, III, 1. Текст памятника доступен в сети Интернет: <http://libro.uca.edu/vcode/visigoths.htm>

⁴ *Edictum Rothari*, II.

⁵ *Liber Iudiciorum* II, 7.

⁶ *Wihtraed*, 16.

нии обвиняемых в оскорблении короны священников «король передумал, он освободил их от оков и, не причинив им вреда, держал их в домах под стражей»¹.

Закон короля лангобардов Ратхиса устанавливал, что, если заявитель «пожелает говорить что-либо по делу короля, позволено тому прийти ко дворцу (*veniendum ad palatium*)»². Согласно свидетельству Гинкмара, в обязанности дворцового графа входило решение вопросов о том, какие дела надлежало передать на рассмотрение короля³. В отношении подозреваемых в совершении преступлений против королевской власти могли применяться пытки, о чем красноречиво свидетельствует Григорий Турский: «Многие из заключенных, страшась различного рода пыток, сами пронзили себя мечами, а некоторые умерли во время пыток»⁴. Пытки могли совершаться в присутствии короля или королевы, нередко при их непосредственном участии в процедуре допроса⁵. Порядок применения пыток регламентировался действовавшим законодательством, и требовал в качестве необходимого условия для их применения наличие достоверных свидетельств со стороны обвинения⁶. При отсутствии необходимых свидетельств дело разрешалось путем принесения очистительной клятвы или проведения судебного поединка.

Дела, связанные с преступлениями против королевской власти, были подсудны королевскому суду в качестве суда первой инстанции. Титулом 9 закона короля лангобардов Ротари было установлено, что обвинение о посягательстве на жизнь короля совершалось перед королем. Сходная практика, по всей видимости, была во всех германских варварских королевствах⁷. Исключение составляли дела, связанные с обвинениями в адрес высшего духовенства, поскольку в отношении них действовали нормы о подведомственности, установленные в 355 г. указом императора Констанция, согласно которому епископы, обвиняемые в совершении уголовных преступлений, должны были отвечать перед судом епископов, и могли апеллировать

¹ *Historia francorum* (V, 49).

² Цит. по: Шервуд Е. А. Законы лангобардов... С. 120.

³ *Hincmarus*. De ordine palatii, 21.

⁴ *Historia francorum* (X, 18).

⁵ *Historia francorum* (VI, 35).

⁶ *Liber iudiciorum* VI, 2.

⁷ *Lex Salica* XVIII; Alfred, VII.

к имперским апелляционным судам¹. Ход судебного процесса над Григорием Турским подтверждает то, что данный порядок подведомственности дел сохранял силу в королевстве франков и в VI в. н. э.

В комментарии к законодательству лангобардов сохранились формулы обвинения и описание процессуальных действий, совершавшихся в королевском суде в ходе слушания дела о посягательстве на жизнь правителя или безопасность государства. Текст содержит формулы и действия следующего содержания: «Петр, наш господин и император, или Павел, адвокат *pars publica*, говорит то, что ты советовался или умышлял против его жизни или жизни короля, или посмел бежать из земель, или пригласил или принял врагов короля в землях, или [различные другие обвинения]. «Я не совершал этого». Если обвинитель отсутствует, пусть он докажет невиновность клятвой, как говорят некоторые, с соприсяжниками; а если он присутствует, пусть обвиненный защитит себя в поединке; таким образом, однако, что, когда он клянется, адвокат не поклялся прежде. Это согласно обычаю. Но согласно лучшим мнениям, он должен клясться один»².

Кодекс короля Альфреда также оставлял возможность обвиняемому в посягательстве на жизнь короля защититься посредством очистительной клятвы, равной королевскому вергельду³. Вопрос о том, каким образом в германских варварских королевствах очистительная клятва применялась по отношению к римскому населению, требует дополнительного исследования. Из англосаксонского права известно, что чужестранец (*gest*) рассматривался в качестве специального субъекта права, который обладал правоспособностью, и имел возможность очистить себя клятвой у алтаря, произнося при этом формулу клятвы своего народа (*sylfes aþe*)⁴.

Порядок принесения клятвы по делу, оцениваемому в двадцать и более солидов, требовал в соответствии с обычаями лан-

¹ См.: Джонс А. Х. М. Правосудие античного мира // Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997.

² Цит. по: Radding C. M. Legal Theory and Practice in Eleventh-Century Italy // Law and History Review. 2003. № 21. P. 377–382. Перевод мой. – С. С.

³ *Alfred*, 4.1. Русскоязычный перевод см.: Хрестоматия по истории средних веков. М., 1961. Т. 1: Раннее средневековье.

⁴ *Wihtraed*, 20. Перевод мой – С. С.

гобардов принесения клятвы на святом евангелии (*ad euangelia sancta*) в сопровождении двенадцати соприсяжников¹. Предоставленная обвиняемому возможность защитит себя в поединке (*per samfonem*) также требовала выполнения определенных формальностей, в частности судья должен был удостовериться, что лицо, вступающее в поединок, не имеет при себе колдовских снадобий или амулетов, «но лишь только свое оружие, о котором было договорено»².

В отношении священнослужителей процесс осуществлялся, по всей видимости, в соответствии с нормами канонического права, подтверждением чего может служить судебный процесс над Григорием Турский, который, будучи епископом города Тура, был подсуден собранию епископов. Согласно свидетельству самого подсудимого, собрание было созвано по поручению короля и проходило в вилле Берни, куда прибыл и сам король. Было заслушано обвинение от одного из свидетелей – епископа города Бордо, и король произнес краткое обращение, содержание которого Григорий Турский передает следующим образом: «Обвинение, предъявленное моей жене, является позором и для меня. Итак, если вы считаете нужным вызвать свидетелей против епископа, то вот они здесь! Конечно, если вам кажется, что ничего этого не было и что епископу можно верить, то говорите, я охотно выслушаю ваше предложение»³. После обсуждения было решено, чтобы обвиняемый, после того как отслужат мессу в трех алтарях, клятвой опроверг возлагаемые на него обвинения. Как отмечает Григорий Турский, «хотя это и противоречило канонам, однако было исполнено ради короля»⁴. Таким образом, собрание епископов приняло решение о том, чтобы правосудие совершалось не в соответствии с нормами канонического права, а в соответствии с германским правовым обычаем, поскольку это соответствовало воле короля.

Неспособность обвиняемого очистить себя в королевском суде путем клятвы или поединка рассматривалось как свидетельство достоверности обвинения. В соответствии с законодательством лангобардов, в случае, если обвинитель сможет

¹ *Edictum Rothari*, 359. См.: *Шервуд Е. А. Законы лангобардов...* С. 59.

² *Edictum Rothari*, 368. Цит. по: *Шервуд Е. А. Законы лангобардов...* С. 61.

³ *Historia francorum* (V, 49).

⁴ *Ibid.*

доказать «истинность [обвинения], против кого он говорил... пусть будет [тот], против кого доказали, осужден и получит приговор сообразно с достоинством дела»¹. В эдикте короля лангобардов Ротари содержится предписание о том, что, «если кто-либо замыслил или совещался против жизни короля, подвергается смертной казни, и все вещи его конфискуются»². В вестготском законодательстве VII в. н. э. подробно раскрывается санкция за совершение преступления против жизни короля или королевской власти – виновный должен быть предан смерти либо, если по милости короля ему сохранена жизнь, – лишен зрения, а все его имущество конфискуется в пользу короны³. В произведении П. Диакона «История лангобардов» сохранилось свидетельство о том, что когда некто Ансфрит, «не довольствуясь правлением герцогством фриульцев, восстал против Куининкперта и попытался узурпировать королевскую власть», он был схвачен в Вероне и доставлен к королю, и тогда «у него были вырваны глаза, и он был отправлен в изгнание»⁴. Сходная расправа была учинена над герцогом Корволом, который «нанес оскорбление королю», после чего «у него были вырваны глаза, и он продолжал жить в позоре»⁵.

Терминология и содержание изложенных выше норм права, устанавливающих в качестве санкции за преступление против королевской власти смертную казнь и конфискацию имущества, подтверждают, что существенное влияние на процесс их позитивации в раннесредневековом германском праве оказало римское право. Наиболее четко римское влияние прослеживается в остготском «Эдикте Теодориха», в котором изложение нормы о конфискации имущества содержит ссылку «в соответствии с законами» (*secundum legum cautam*), подразумевающую, по всей видимости, римские законы о преступлениях против величия, в том числе эдикт императоров Аркадия и Гонория, известный как «*Lex Quisquis*»⁶. О том, что

¹ Цит. по: Шервуд Е. А. Законы лангобардов... С. 120.

² Там же. С. 17.

³ *Liber Iudiciorum*, II, 6.

⁴ *Historia langobardorum* (VI, 3).

⁵ Там же. (VI, 25).

⁶ Императорское постановление 397 г., вошедшее в Кодекс Юстиниана, в соответствии с которым виновный в «умалении величия» подлежал казни, а его имущество – конфискации в пользу фиска. Дети осужденного присуждались к наказанию бесчестием.

данная норма применялась в судебной практике остготского королевства, свидетельствует произведение Северина Боэция, в котором автор отмечает, что был приговорен к смертной казни и конфискации имущества: «Меня же теперь, удалив на пятьсот миль, оставив без защиты, присудили к смерти и конфискации имущества»¹. На влияние римского права, по всей видимости, указывают и упомянутые П. Диаконем такие формы наказания, как «изгнание» (*exilium*) и «жизнь в позоре» (*vita dedecorosa*), имеющие определенное сходство с римской правоприменительной практикой².

Необходимо, однако, отметить, что, несмотря на очевидные факты влияния римского права на позитивацию рассматриваемых норм, нет достаточных оснований для вывода об их полной рецепции из римского права. Характерно, что нормы сходного содержания прослеживаются в англосаксонском праве, которое испытывало значительно меньшее влияние римского права, нежели право континентальных германцев: «Если кто-нибудь злоумышляет против жизни короля лично сам или посредством предоставления убежища изгнаннику, или одному из его людей, то он возместит своей жизнью и всем, чем владеет»³. Памятники раннесредневековой историографии дают основания полагать, что посягательство на жизнь или власть короля в древнегерманских обществах также могло караться смертной казнью, как, например, в случае расправы, учиненной королем Эрманарихом над Сунильдой в наказание за измену ее братьев⁴. При этом известно, что в традиционных германских обществах лицо, виновное в преступлении, могло быть объявлено тингом вне закона, после чего потерпевший имел право наложить руку на имущество преступника⁵.

Исходя из этого, можно высказать предположение о том, что развитие представлений о преступлениях против публичной власти складывалось в римском и германском обществах

¹ *Боэций С.* Утешение философией... С. 198.

² В римском праве сходные наказания известны как *deportatio* и *infamia*.

³ Цит. по: *Хрестоматия по истории средних веков.* Т. 1: Раннее средневековье... С. 609.

⁴ *Getica*, § 129. См.: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (*Getica*). М., 1960.

⁵ См.: *Сага о Храфнкеле* года Фрейра // *Исландские саги.* Ирландский эпос. М., 1973.

разными путями, однако активное взаимодействие данных представлений происходило в V–VI вв. и выразалось преимущественно в форме влияния римского права на позитивацию норм о *crimen laesae maiestatis* в германских правовых памятниках. Характер данных норм подтверждает, что король рассматривался в рамках германских «варварских королевств» как лицо, статус которого регулировался нормами публичного права.

Таким образом, выполненный анализ позволил реконструировать основные этапы судебного процесса по делам о преступлениях против королевской власти, уточнить полномочия сторон данного процесса, а также установить, что элементы римской доктрины о преступлениях против «величия» были интегрированы в правовую систему германских «варварских королевств», что является еще одним аргументом против представлений о сугубо частноправовом (патримониальном) характере раннесредневековых государственных институтов¹.

¹ О данных представлениях и их критике более подробно см.: *Глебов А. Г.* О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М, 2008. С. 11–19.